

В.Л. Тамбовцев

*д.э.н., профессор, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА: ВСЕ ЛИ ВОПРОСЫ ПОСТАВЛЕНЫ?

Аннотация. Рост экономического неравенства в последнее время происходит во многих странах, что вызывает у многих учёных интерес к изучению этого процесса, но всё же некоторые его аспекты остаются недостаточно изученными. В статье анализируются основания того, почему экономическое неравенство считается проблемой, хотя убедительные доказательства возникновения негативных экономических или социальных последствий этого явления обнаружить не удалось. Делается вывод, что проблема экономического неравенства во многом искусственна. При её анализе исследователи обычно основываются на связях, которые имели место в прошлом, однако практически отсутствуют в настоящее время. Обосновывается факт недостаточной изученности целого ряда исследовательских вопросов. И сам факт наличия таких лагун в научном познании проблемы экономического неравенства затрудняет повышение действенности тех мер, которые применяются в конкретной социальной и экономической политике.

Ключевые слова: экономическое неравенство, способности, возможности, теория оправдания системы.

JEL: D31, D63, Z13

УДК: 364.2, 364.65

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_86_98

© В.Л. Тамбовцев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Преодоление экономического неравенства: все ли вопросы поставлены? // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 86–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_86_98.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Overcoming Economic Inequality: Have All the Questions Been Asked? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 86–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_86_98.

Введение

Тематика экономического неравенства настолько широка и необъятна, что охватить хотя бы наиболее значимые её вопросы в одной журнальной статье просто невозможно. Поэтому здесь ставится вполне конкретная и ограниченная задача: сформулировать и обсудить некоторые вопросы, которые практически не рассматриваются в существующей литературе, и как результат — обосновать значимость получения ответов на них для выработки продуктивных вариантов решения прикладных задач.

Сейчас один из наиболее часто задаваемых вопросов в этой сфере звучит так: как преодолеть неравенство доходов — самую вопиющую сторону экономического неравенства? Очевидный на взгляд не задумывающегося человека ответ выглядит так: государство должно платить всем одинаково, хотя и теория, и особенно историческая практика, в том числе нашей страны, дали свои оценки безрадостных последствий попыток реализации такого рода решений. Поэтому, если ответ на приведённый частый вопрос всё ещё

актуален, а предыдущие практики его решения были неудовлетворительны, то нужно искать другие варианты решения. Для этого имеет смысл обсудить саму *проблему* экономического неравенства.

Я не раз писал о том, что при анализе процессов принятия решений следует различать стадию осознания проблемной ситуации и стадию постановки проблемы (см., например: [Тамбовцев, 2025. С. 206–207]). Проблемная ситуация — это такое положение дел, когда индивид ощущает ту или иную степень неудовлетворённости, наличие каких-то источников, порождающих негативное восприятие сложившегося положения. Очевидно, люди могут по-разному видеть причины своих неприятных ощущений, т.е. у них возможны варианты их видения или понимания, и каждый из этих вариантов позволяет формулировать свою проблему, которую желательно было бы решить, чтобы устранить проблемную ситуацию. Простой пример: проблемная ситуация — переполненный общественный транспорт в часы пик в большом городе. Проблему, которую надо решить, люди видят неодинаково: для одних — это нехватка автобусов, троллейбусов и т.п., для других — высокая концентрация мест приложения труда, для третьих — единое время начала и конца рабочего дня. Каждый из вариантов подхода к решению данной проблемной ситуации приводит к своим результатам, различающимся как издержками, так и последствиями. При этом следование, казалось бы, самой «естественной» логике решения проблемы — избавление от дефицита общественного транспорта — приводит к новой проблемной ситуации: загруженности улиц города. Тем самым различие проблемных ситуаций и проблем даёт основания задуматься: а продуктивна ли привычная постановка проблемы?

Это и определяет первый вопрос, который стоит обсудить: какова та ситуация, которая воспринимается многими как проблемная, т.е. порождающая её негативное восприятие? Второй, связанный с ним, вопрос, также заслуживающий внимания, можно сформулировать так: какие характеристики экономики и общества, обуславливаемые ситуацией экономического неравенства, таковы, что их наличие в стране считается нежелательным? Обсуждению этих вопросов посвящены, соответственно, два следующих раздела статьи, а выводы из обсуждения завершают её.

Разнообразие и неравенство: чем определяется различие?

В литературе последнего времени активно обсуждаются *последствия* экономического неравенства, опасности и угрозы, которая оно создаёт (см., например: [Юревич, Журавлев, Юревич, 2013; Казанцев, 2016; Пендак, 2018; Варшавский, 2019; Norton, 2014; Rewizorski, 2017; Flaherty, Rogowski, 2021; Engler, Weisstanner, 2021; Wike et al., 2025]). Даже такой известный экономист, как Дж. Стиглиц, пишет: «Растущее неравенство в большинстве стран мира является одной из важнейших проблем, стоящих перед миром сегодня. Люди повсюду чувствуют, что это морально неправильно. Мы чувствуем, что это нельзя оправдать. Мы чувствуем, что это разделяет наши общества и подрывает наши демократии. И мы правы, ощущая этот вред» [Stiglitz, 2015. P. 379]. При этом первопричины анализируемых нехороших последствий (насколько обоснованы некоторые из них, мы также обсудим далее) фактически принимаются за данность. Здесь важно отметить, что проблемность неравенства доходов не только обсуждается исследователями¹, она признана и на уровне

¹ Названия некоторых работ таковы, что из их заголовка можно сделать вывод: их авторы признают, что неравенство — это проблема, поставленная людьми, а не объективная проблемная ситуация [Телин, 2019]. Однако аннотация данной статьи говорит о другом: «дивергенция в головах» — это «разное понимание инструментов измерения неравенства или принципиальное игнорирование междисциплинарной исследовательской перспективы, а также пренебрежение “субъективной” составляющей восприятия неравенства» [Там же. С. 107].

государств: из 17 целей устойчивого развития, принятых ООН, как минимум, одна треть связана с преодолением неравенства и бедности [Filipava, 2026].

Между тем те характеристики населения стран, которые мы именуем неравенствами — социальными, экономическими, культурными, политическими и т.д., имеют и другое наименование: всё это различные *разнообразия*. Как известно, разнообразие — это свойство популяции организмов, без которого вообще не было бы *никаких изменений* в живой природе, и человеческое общество просто не появилось бы: именно разнообразие особей живых существ — источник их эволюции. На это неоднократно обращали внимание исследователи, изучающие как биологическую [Dobzhansky, 1959; Loreau et al., 2001; Elmqvist et al., 2003], так и экономическую [Santos, Pinheiro, Lenaertsc, Pacheco, 2012; Lipieta, Pliš, 2022], социальную и культурную эволюции [Lumsden, Wilson, 1985; Mesoudi, Whiten, 2008; Salazar-Ciudad, 2010]. Ведь именно различия в характеристиках элементов изменяющихся объектов создают возможности для естественного и/или искусственного отбора некоторых из них, расширяя возможности выживания и воспроизводства одних и сужая эти возможности других элементов. Например, в экономиках разнообразие товаров, технологий, организационных форм и т.п. обеспечивают различные уровни сложности, и чем выше это разнообразие, тем выше и сложность экономики, её инновационные и адаптивные способности [Arthur, 2021; Du, O'Connor, 2021].

Почему же разнообразие одних параметров экономических (и социально-культурных) систем оценивается людьми как положительное их свойство, а его наличие у других параметров — как свойство отрицательное, как проблема, которую нужно преодолевать? Любые оценки, даваемые индивидом феноменам окружающего внешнего и существующего в его сознании внутреннего мира, представляют собой результаты сопоставления его мозгом тех сигналов, являющихся результатом восприятия этого феномена, с группой нейронных контуров, которые репрезентируют социальные и иные ценности, сформировавшиеся на основании его жизненного опыта [Moll, De Oliveira-Souza, Zahn, 2008; Zahn et al., 2009]. Если текущие сигналы близки позитивным ценностям, их источник оценивается положительно, если же такая близость отсутствует, или же есть близость к негативным ценностям, объект получает отрицательную оценку². Разнообразие жизненного опыта неизбежно присутствует у всех людей. Оно обуславливает формирование у них несовпадающих совокупностей ценностей как «образцов», используемых мозгом для оценок сигналов, которые направляют в него органы чувств, воспринимающие объекты и внешнего, и внутреннего мира.

Соответственно могут различаться (и реально различаются) и оценки, даваемые разными людьми одним и тем же воспринимаемым объектам: совпадение или близость оценок будет свидетельствовать о близости ценностей, которые выработались в мозгах соответствующих индивидов. Здесь важно отметить, что такие совпадения/несовпадения касаются не только конкретных черт материальных объектов, но и объектов абстрактных, являющихся результатами когнитивных процессов.

Люди характеризуются многообразием самых разных свойств и характеристик. Часть из них имеет природное происхождение и не может быть изменена, другие же — также естественны, но в большей или меньшей мере изменяемы, а третьи, будучи следствием действий, предпринятых и предпринимаемых индивидами, определяются во многом тем, какие решения они принимали и реализовали.

Среди этих характеристик, как показывает наш жизненный опыт, те, что входят в первые две группы, в основном рассматриваются как разнообразия, в то время как свойства, составляющие третью группу, как правило, воспринимаются сквозь призму неравенства. Среди них общепринято выделять несколько форм неравенства, прежде всего такие, как социальные и экономические, с более узкими вариантами среди них. Это наблюдение, на

² Аналогично формируются и экономические оценки [Levy, Glimcher, 2012].

первый взгляд, даёт основания связать трансформацию разнообразия в неравенство с ролью индивидов в возникновении рассматриваемых черт. Те из «неравенств», что не зависят от их решений, воспринимаются как разнообразия, в то время как обусловленные предпринятыми действиями самого индивида или других людей оцениваются как неравенства. Например, когда люди сопоставляются по росту или цвету глаз, говорят о разнообразии, а когда речь заходит о сравнении социальных статусов или размеров принадлежащего тем или иным субъектам имущества, то сравнение переходит к теме неравенства. Однако такой вывод сталкивается с несоответствиями. Так, уровень образования конкретного индивида зависит не только от того, добросовестно ли он выполнял учебные задания, но и от его врождённых когнитивных способностей, которые могут воздействовать также и на социальный статус. А различия в цвете кожи некоторыми индивидами воспринимаются как источник создания социальных ограничений, обеспечивающих неравенство доступа к различным социальным позициям. Поэтому «биологическое» объяснение того, почему некоторые разнообразия становятся (почти) общепризнанными неравенствами, нельзя признать удовлетворительным.

Широкое распространение получила трактовка неравенства как следствия нечестности или несправедливости, чему посвящён масштабный пласт литературы. Не пытаюсь дать сколько-нибудь полную её характеристику, остановлюсь только на тех работах, которые важны для решения задач данной статьи. Одной из исходных здесь выступает статья [Festinger, 1954], посвящённая анализу процесса социального сравнения, в которой фиксируется «автоматичность» или подсознательность этого осуществляемого мозгом процесса. В его рамках различные характеристики индивидов, воспринимаемые органами чувств, сопоставляются с самооценками собственных аналогичных характеристик и с ценностями индивида. Это означает, что любые взаимодействия между индивидами и их группами включают и социальные сравнения. Одновременно все эти взаимодействия, согласно [Homans, 1958], являются актами социального обмена, которые, как и любой обмен, также предполагает сравнение. Последнее при этом может демонстрировать разным сторонам обмена как его равенство, так и неравенство.

Неравенство в социальном обмене, как показано в [Adams, 1965], порождает относительную депривацию у той его стороны, оценка которого показывает, что в результате обмена он оказывается на более низкой позиции, чем та, с которой индивид себя соотносил. В то же время у другой стороны такое «снижение уровня» не происходит, напротив, он ощущает сравнительное удовлетворение (*relative gratification*). Такие социальные обмены характеризуются как нечестные или несправедливые, что и обуславливает известную трактовку неравенства как несправедливости, часто звучащую в суждениях публицистов и политиков.

Таким образом, обобщая приведённый подход, можно сказать, что разнообразие как нетождественность свойств двух и большего числа объектов одного типа воспринимается как неравенство субъектом А, если оно приносит ему те или иные негативные последствия. Если в его восприятии такие (реальные или воображаемые) негативные последствия отсутствуют (например, не осознаются или не понимаются), то разнообразие остаётся эмоционально нейтральным, не преобразуясь в негативное неравенство. Кратко говоря, (нематематическое) неравенство существует лишь в подсознании и/или сознании³ индивидов, в то время как вокруг них имеет место разнообразие объектов или их свойств⁴.

³ Фиксация «точки отсчёта», движение от которой вниз в рамках акта социального обмена воспринимается негативно, может появиться у индивида как неосознанно, в результате автоматической работы его мозга, так и сознательно, например, путём принятия определённой идеологии, следование которой ведёт к росту благополучия.

⁴ Например, если для некоторого товара имеет место большое число различных цен, но все они превышают бюджетные возможности некоторого индивида, вполне возможно, что его оценкой будет их несправедливость и вытекающее из неё представление о неравенстве; если цен будет по-прежнему много, но найдётся и продавец, предлагающий товар за доступную этому индивиду цену, то ситуация вряд ли будет оцениваться им как несправедливая и приводящая к неравенству; скорее он будет говорить о разнообразии цен.

Повсеместность социальных обменов и автоматичность социальных сравнений приводит к тому, что установка на неприятие неравенства (*inequity aversion*) вполне типична среди людей [Shaw, Choshen-Hillel, 2017].

Очерченное объяснение неравенства и его значения для принятия индивидами решений получило модельное подтверждение в ряде исследований, показавших значимость выбора партнёрами по кооперации, обеспечивающей выживание малых групп, тех, кто демонстрировал установки на равное, с учётом проявленных усилий, распределение результатов действий [Brosnan, de Waal, 2014; Debove, Baumard, André, 2017]. Схожее поведение демонстрируют и многие другие виды животных [Oberliessen, Kalenscher, 2019], хотя вполне возможно, что их отказ от принятия меньших, чем другие, долей распределяемых благ был вызван такими факторами, как разочарование или фрустрация, а не социальным сравнением [Ritov, Völter, Raihani, Engelmann, 2024].

Итак, причины трансформации ситуации из состояния разнообразия в состояние неравенства, избегание которого эволюционно присуще людям, являются составными, биосоциальными: на формирование «точек отсчёта» для последующих оценок справедливости обменов влияют как врождённые, так и приобретённые свойства индивидов, т.е. их способности, а также те возможности реализовать эти способности, которые дают формальные и неформальные институты, сложившиеся в тех сообществах, где живут индивиды с разными способностями. Эту зависимость можно выразить в виде следующей «формулы»:

(неравные) способности + (неравные) возможности → (неравное) благосостояние

По своему содержанию она не является чем-то новым, поскольку была выдвинута в теории равных возможностей ([Sen, 1980; Roemer, 1998; Fleurbaey, 2008] и др.), где, однако, врождённые и приобретённые способности индивида считались частью возможностей, которые тем самым получали сложную структуру. В неё включались внешние социальные (преимущественно институциональные) возможности, которые индивиду предоставлял социум, и внутренние персональные, с подразделением на те, которые индивид не мог изменить, и те, на которые он мог повлиять. Представляется, что переименование последних двух групп в более подходящее им (по крайней мере в русском языке) название «способности» устранил вероятность недопонимания и сложности. Кроме того, в теории равных возможностей был выделен важный фактор — масштаб усилий, которые предпринимал индивид для обеспечения своего благополучия. Очевидно, он имеет самостоятельное значение, хотя на него влияют как имеющиеся способности, так и предоставляемые возможности. В предложенной формуле он не выделен, поскольку её задача — не описать все значимые факторы, воздействующие на благосостояние индивидов, а разделить индивидуальные способности и социальные возможности.

В настоящее время для снижения уровня экономического неравенства необходимость обеспечения равенства возможностей общепризнана. Однако все ли возможности могут быть уравнены? Как показывают проведённые на сегодня исследования, среди социальных неравенств есть, по меньшей мере, один тип, устранение которого вряд ли возможно: речь идёт о *неравенстве социальных статусов*, которые влияют среди прочего также и на доступ к различным ресурсам [Berry, 1989; Cebula, Perchla-Włosik, 2023; Otero, Völker, Rözer, Mollenhorst, 2024]. Сами статусы, образующие иерархии в группах, стали возникать, как известно, ещё у животных, играя важную роль в эволюционном процессе [Gilbert, Price, Allan, 1995; Cheng, Tracy, Henrich, 2010]. Так же проблематичны изменения неформальных институтов, а изменения формальных институтов в случае их несоответствия неформальным может столкнуться с трудностями их функционирования. В целом, в том, что касается неформальных институтов, полезны были бы исследования, посвящённые анализу их вкладов в экономическое неравенство.

Обеспечение равенства способностей людей, очевидно невозможно. Но знаем ли мы, каков их вклад в наблюдаемые экономические неравенства, например, неравенство доходов, обсуждение которого наиболее широко представлено в литературе? Первый претендент на такое влияние — это когнитивные способности, измеряемые коэффициентом интеллекта (*intelligence quotient*, или IQ). Масштабные исследования связи этих способностей с различными экономическими показателями были представлены в книге [Lynn, Vanhanen, 2002], вызвавшей широкий и неоднозначный резонанс. Например, в [Ram, 2007] упомянутые коэффициенты были встроены в некоторые модели экономического роста, что продемонстрировало их связь с макроэкономическими показателями; в [Meisenberg, 2012] было подтверждено, что более высокий национальный IQ коррелирует с бóльшим ВВП на душу населения; исследование, представленное в [Jiao, Gao, Li, 2023], показало такую связь внутри экономики Китая и т.д. Вместе с тем, в статье [Moreale, Levendis, 2014] подход Линна и Ванханена был подвергнут критике, и авторы отметили, что им не удалось воспроизвести результаты, приведённые в упомянутой монографии, а в [Kourany, 2016] утверждалось, что публикация данных о различиях в среднем IQ между нациями и расами опасна, поскольку содержит информацию, которой могут воспользоваться расисты⁵.

Таким образом, влияние когнитивных способностей индивидов на экономические процессы в целом изучено и продолжает изучаться, хотя их связи с экономическим неравенством практически не затрагиваются. Так, в [Arocena, Sutz, 2010] было выявлено, что в странах глобального Юга, где средний IQ относительно невысок, население проявляет меньший спрос на приобретение знаний и инновационную деятельность, а согласно [Meisenberg, 2012], чем выше средний по стране IQ, тем меньше в ней неравенство в распределении доходов. Понятно, что этих результатов явно недостаточно, для того чтобы делать обоснованные выводы относительно вклада этих способностей в экономическое неравенство. Тем самым, вопрос о влиянии способностей на экономическое неравенство фактически не ставится, и для совершенствования выработки политики этот фактор остаётся изученным явно недостаточно.

Социальные последствия экономического неравенства: так ли страшен чёрт?

Отмеченные выше эволюционные корни убеждений людей в неприемлемости неравенства обеспечивают достаточно широкое их распространение. Это не может не вести к использованию данной тематики в различных политических идеологиях.

Многолетнее эмпирическое изучение влияния экономического неравенства на такие значимые стороны социально-экономического развития, как экономический рост, человеческое развитие и усиление социальной координации (*governance*) в государственном управлении, как отмечается в недавнем обзоре литературы по этой проблематике, не привело к каким-либо чётко определённым выводам: «существующие свидетельства имеют смешанный характер» [Ferreira, Gisselquist, Tarp, 2022. P. 1]⁶. Несмотря на это, авторы утверждают, что «неравенство является одной из главных международных проблем развития. Это объясняется как этическими соображениями, так и тем, что растущее неравенство воспринимается как фактор, негативно влияющий на ключевые социально-экономические и политические результаты» [Там же]. Иными словами, «доказательная база» выработки

⁵ Ответ на эти опасения представлен, например, в [Meisenberg, 2019].

⁶ Специальный анализ эмпирических исследований связи неравенства и экономического роста привёл к схожему выводу: «Эмпирические исследования, оценивающие влияние неравенства на экономический рост, дали широкий спектр результатов, что не позволяет сделать однозначные выводы о взаимосвязи между неравенством и ростом» [Baselgia, Foellmi, 2022. P. 1].

мер по снижению или даже устранению экономического неравенства сегодня находится скорее в области не научных фактов, а идеологических убеждений.

Одно из проявлений этого — сосуществование в научной литературе двух групп взглядов, как «за», так и «против» экономического неравенства, причём их основания в обеих группах разнородны. Среди сторонников борьбы с экономическим неравенством и усилением политики перераспределения, согласно [Petkanopoulou et al., 2025], присутствуют, как минимум, два мотива: преодоление (а) несправедливости распределения ресурсов в мире и (б) устранение угрозы их собственному благополучию. В странах бывшей социалистической экономики к ним добавляется, как, например, в Китае [Tian, Mao, Guo, Douglas, 2026], также и ностальгический мотив. При этом, если мотив устранения несправедливости восходит к эволюционно обусловленному избеганию неравенства, то устранение угрозы мотивирует к этому тех, кто воспринимает свой относительно невысокий статус как неустойчивый [Прусова, Горохова, 2025]. Противники политики борьбы с неравенством также руководствуются различными мотивами: во-первых, наивными экономическими убеждениями в том, что экономика — это игра с нулевой суммой, и увеличение доходов одних приведёт к снижению их собственных относительно высоких доходов, что выявлено в [Brown, Jacoby-Senhor, Raymundo, 2022]; во-вторых, убеждённостью в том, что если неравенство обусловлено следованием действующим нормам, то оно не может не быть оправданным и, следовательно, легитимным [Trump, 2020]; в-третьих, особенностями восприятия низких доходов как следствия индивидуальных действий людей, а не тех или иных социально-политических черт экономики [Chater, Connolly, Loewenstein, 2026].

Нетрудно заметить, что среди мотивов участников первой группы — сторонников политики снижения уровня неравенства доходов, выявленных в результате эмпирического анализа, практически не звучит тот, который достаточно часто упоминается отечественными исследователями, а именно — мотив предотвращения роста социальной напряжённости, к которому способно привести продолжающееся увеличение экономического неравенства. Замечу, что это основание политики снижения неравенства достаточно редко упоминается и зарубежными исследователями.

В чём может заключаться причина такого расхождения? Думается, что таковой может служить слабое распространение, в том числе и среди экономистов, теории оправдания системы (system justification theory), разработанной психологами ещё в начале 1990-х гг. [Jost, Banaji, 1994] и получившей эмпирическое подтверждение и широкое признание: на начало марта 2026 г. она цитировалась больше 5,6 тыс. раз. Что утверждает эта теория? В современных странах, где государства выступают самыми масштабными работодателями и поставщиками различных форм социальной поддержки граждан и предоставления им различных публичных услуг, снижение уровня достатка одних и рост доходов других не вызывает у первых стимулов как-то выступить против государств. Ведь такие протесты, полагают пользователи тех или иных государственных выплат, способны уменьшить господдержку, которая при отсутствии беспорядков может, напротив, возрасти — как поощрение за отсутствие противостояния. Тем самым, протестовать против социальной политики государства — значит, подрывать надежду на её улучшение.

Поэтому, если ещё в конце 1980-х гг. большинство исследователей конфликтов, как отмечено в [Lichbach, 1989], полагали, что высокий уровень экономического неравенства — важный источник социальной напряжённости, то после возрастания роли государства в социальной поддержке и превращения его в основного филантропа, экономическое неравенство фактически перестало быть фактором социальных антиправительственных выступлений. Разумеется, оно сохраняет свой потенциал там, где роль государства в социальном обеспечении и поддержке малоимущих невелика, однако в современных странах её значение практически неощутимо: потребители государственных выплат оправдывают и поддерживают систему, которая, в свою очередь, поддерживает и их.

По состоянию на 9 марта 2026 г. выражение «system justification theory» цитировалось в отечественных статьях (т.е. в формате pdf) 59 раз. Правда, работа отечественных авторов, описывающая содержание этой теории и опубликованная почти через 40 лет после её появления [Агадуллина, Иванов, Сариева, Прусова, 2021], цитировалась уже почти семьсот раз, так что знакомство исследователей тематики экономического неравенства с теорией оправдания системы ощутимо расширяется.

Выводы

Проведённый анализ двух аспектов состояния изучения динамики экономического неравенства показал следующее. В составе эмпирических данных, которые могут использоваться при разработке направлений и мер социальной политики, направленной на снижение неравенства, недостаточно развито изучение воздействия на него такого фактора, как разнообразие способностей людей. Это касается как тех способностей, которые генетически предопределены, так и тех, на уровень развития которых влияют сами индивиды. В анализе динамики экономического неравенства роль, которую играют правовые и иные институциональные возможности, создаваемые обществом и государством для проявления этих способностей, изучена достаточно хорошо, и это используется при выработке действенных мер социальной политики. Однако их взаимодействие со способностями людей, а также специфика этих взаимодействий, влияющих на формирование экономических последствий принимаемых решений, также остаётся далеко не ясной. Также нет достаточной ясности и в вопросах соотношения структуры способностей людей, в том числе когнитивных, и структуры рабочих мест в экономике. Наблюдаемый в последние годы рост применения моделей искусственного интеллекта способен, конечно, снизить важность их соответствия, однако сама неясность от этого не исчезает. Поскольку экономические последствия экономического неравенства продолжают оставаться неясными, а социальные последствия переходят в чисто моральную сферу, где многие тысячелетия сосуществуют несопадающие позиции, концепция существования некоторого экономически оптимального уровня неравенства явно требует дополнительного обсуждения.

В целом всё это означает, что в исследованиях экономического неравенства поставлены не все вопросы, ответы на которые позволили бы далее улучшать государственную политику как социальную, так и экономическую в сфере распределения доходов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агадуллина Е.Р., Иванов А.А., Сариева И.Р., Прусова И.С. (2021). Теория оправдания системы: новый взгляд на проблему неравенства // *Современная зарубежная психология*. Т. 10. № 1. С. 132–141. DOI: 10.17759/jmfr.2021100113.
- Варшавский А.Е. (2019). Чрезмерное неравенство доходов — проблемы и угрозы для России // *Социологические исследования*. № 8. С. 52–61.
- Казанцев С.В. (2016). Опасность социально-экономического неравенства // *Мир новой экономики*. № 4. С. 51–61.
- Прусова И.С., Горохова А.С. (2025). Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз // *Социальная психология и общество*. Т. 16. № 1. С. 70–88. DOI: 10.17759/sps.2025160104.
- Рендак А. В. (2018). Специфика внутренних угроз экономической безопасности современной России // *Гуманитарий Юга России*. Т. 7. № 1. С. 136–149.
- Тамбовцев В. Л. (2025). Политические идеи и научный анализ // *Управление наукой: теория и практика*. Т. 7. № 3. С. 203–215. DOI: 10.19181/smtpr.2025.7.3.15.
- Телин К.О. (2019). Дивергенция в головах: почему чёрт неравенства действительно страшен // *Вопросы экономики*. № 4. С. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-107-123.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. (2013). Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // *НВ: Национальная безопасность*. № 2. С. 182–202.

- Adams J.S. (1965). Inequity in social exchange // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2. / Berkowitz L. (ed.). — New York: Academic Press. Pp. 267–299.
- Arocena R., Sutz J. (2010). Weak knowledge demand in the South: learning divides and innovation policies // *Science and Public Policy*. Vol. 37. Is. 8. Pp. 571–582.
- Arthur W.B. (2021). Foundations of complexity economics // *Nature Reviews Physics*. Vol. 3. Is. 2. Pp. 136–145. DOI: 10.1038/s42254-020-00273-3.
- Baselgia E., Foellmi R. (2022). Inequality and growth: a review on a great open debate in economics // *United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER)*. Helsinki. WIDER Working Paper No. 2022/5. DOI:10.35188/UNU-WIDER/2022/136-5.
- Berry S. (1989). Social Institutions and Access to Resources // *Africa: Journal of the International African Institute*. Vol. 59. No. 1. Pp. 41–55.
- Brosnan S.F., de Waal F. B. M. (2014). Evolution of responses to (un)fairness // *Science*. Vol. 346. No. 6207. Art. 1251776. DOI: 10.1126/science.1251776.
- Brown N.D., Jacoby-Senghor D.S., Raymundo I. (2022). If you rise, I fall: Equality is prevented by the misperception that it harms advantaged groups // *Science Advances*. Vol. 8. Is. 18. Art. eabm2385. DOI: 10.1126/sciadv.abm2385.
- Cebula M., Perchla-Włosik A. (2023). Inequality in Access to Social Capital // *Polish Sociological Review*. No. 224. Pp. 419–440.
- Chater N., Connolly D.J., Loewenstein G. (2026). The political psychology of economic inequality // *Psychological Science in the Public Interest*. (In Press).
- Cheng J.T., Tracy J.L., Henrich J. (2010). Pride, personality, and the evolutionary foundations of human social status // *Evolution and Human Behavior*. Vol. 31. Pp. 334–347.
- Debove S., Baumard N., André J.-B. (2017). On the evolutionary origins of equity // *PLoS ONE*. Vol. 12. Is. 3. Art. e0173636. DOI: 10.1371/journal.pone.0173636.
- Dobzhansky T. (1959). Variation and Evolution // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 103. No. 2. Pp. 252–263.
- Du K., O'Connor A. (2021). Examining economic complexity as a holistic innovation system effect // *Small Business Economics*. Vol. 56. No. 1. Pp. 237–257.
- Elmqvist T., Folke C., Nyström M., Peterson G., Bengtsson J., Walker B. and Norberg J. (2003). Response Diversity, Ecosystem Change, and Resilience // *Frontiers in Ecology and the Environment*. Vol. 1. No. 9. Pp. 488–494.
- Engler S., Weisstanner D. (2021). The threat of social decline: income inequality and radical right support // *Journal of European Public Policy*. Vol. 28. Is. 2. Pp. 153–173. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733636.
- Ferreira I.A., Gisselquist R.M., Tarp F. (2022). On the Impact of Inequality on Growth, Human Development, and Governance // *International Studies Review*. Vol. 24. Is. 1. Art. viab058. DOI: 10.1093/isr/viab058.
- Festinger L. (1954). A Theory of Social Comparison Processes // *Human Relations*. Vol. 7. No. 2. Pp. 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
- Filipava L. (2026). Nexus of Global Challenges and Economic Disparities: Addressing Inequality in the Context of Sustainable Development Goals // *Global Nexus Handbook*. / S. Eslamian, F. Eslamian (Eds.). — Hoboken, NJ: Wiley. Pp. 3–18. DOI: 10.1002/9781394248087.ch1.
- Flaherty T.M., Rogowski R. (2021). Rising Inequality As a Threat to the Liberal International Order // *International Organization*. Vol. 75. No. 2. Pp. 495–523.
- Fleurbaey M. (2008). *Fairness, Responsibility, and Welfare*. — Oxford: Oxford University Press.
- Gilbert P., Price J., Allan S. (1995). Social comparison, social attractiveness and evolution: How might they be related? // *New Ideas in Psychology*. Vol. 13. Is. 2 Pp. 149–165. DOI: 10.1016/0732-118X(95)00002-X.
- Homans G.C. (1958). Social Behavior as Exchange // *American Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 6. Pp. 597–606.
- Jiao C., Gao S., Li D. (2023). The Impact of Education Quality and Cognitive Ability on Economic Growth Under the Context of China // *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 25642580. DOI:10.6007/IJARPED/v12-i3/19426.
- Jost J.T., Banaji M.R. (1994). The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–27.
- Kourany J. (2016). Should some knowledge be forbidden? The case of cognitive differences research // *Philosophy of Science*. Vol. 83. No. 5. Pp.779–790.
- Levy D.J., Glimcher P.W. (2012). The root of all value: a neural common currency for choice // *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 22. Pp. 1027–1038. DOI: 10.1016/j.conb.2012.06.001.
- Lichbach M.I. (1989). An Evaluation of «Does Economic Inequality Breed Political Conflict?» Studies // *World Politics*. Vol. 41. No. 4. Pp. 431–70.
- Lipietz A., Pliś E. (2022). Diversity and mechanisms of economic evolution // *Journal of Evolutionary Economics*. Vol. 32. Pp. 1265–1286.
- Loreau M., Naeem S., Inchausti P., Bengtsson J., Grime J. P., Hector A., Hooper D.U., Huston M. A., Raffaelli D., Schmid B., Tilman D. and Wardle D. A. (2001). Biodiversity and Ecosystem Functioning: Current Knowledge and Future Challenges // *Science*. Vol. 294. No. 5543. Pp. 804–808.

- Lumsden C.J., Wilson E.O. (1985). The relation between biological and cultural evolution // *Journal of Social and Biological Structures*. Vol. 8. Is. 4. Pp. 343–359.
- Lynn R., Vanhanen T. (2002). *IQ and the Wealth of Nations Human Evolution, Behavior, and Intelligence*. — Westport: Greenwood.
- Meisenberg G. (2012). National IQ and economic outcomes // *Personality and Individual Differences*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 103–107.
- Meisenberg G. (2019). Should Cognitive Differences Research Be Forbidden? // *Psych*. Vol. 1. No. 1. Pp. 306–319. DOI: 10.3390/psych1010021.
- Mesoudi A., Whiten A. (2008). The multiple roles of cultural transmission experiments in understanding human cultural evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 363. No. 1509. Pp. 3489–3501. DOI:10.1098/rstb.2008.0129.
- Moll J., De Oliveira-Souza R., Zahn R. (2008). The neural basis of moral cognition: sentiments, concepts, and values // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1124. No. 1. Pp. 161–180.
- Moreale J., Levendis J. (2014). IQ and Economic Development: A Critique of Lynn and Vanhanen // *Forum for Social Economics*. Vol. 43. Is. 1. Pp. 40–56.
- Norton M. I. (2014). Unequality: Who gets what and why it matters // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1. No. 1. Pp. 151–155. DOI: 10.1177/2372732214550167.
- Oberliessen L., Kalenscher T. (2019). Social and Non-social Mechanisms of Inequity Aversion in Non-human Animals // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 13. Art. 133. DOI: 10.3389/fnbeh.2019.00133.
- Otero G., Völker B., Rözer J., Mollenhorst G. (2024). Differences in access to social capital across societies // *European Sociological Review*. Vol. 40. Is. 3. Pp. 493–510. DOI: 10.1093/esr/jcad035.
- Petkanopoulou K., Griva A.-M., García-Sánchez E., Vlastou-Dimopoulou F., Daoultzis K.-C., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. (2025). Why do people object to economic inequality? The role of distributive justice and social harmony concerns as predictors of support for redistribution and collective action // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 64. Is. 2. Art. e12877.
- Ram R. (2007). IQ and economic growth: Further augmentation of Mankiw-Romer-Weil model // *Economics Letters*. Vol. 94. No.1. Pp. 7–11. DOI: 10.1016/j.econlet.2006.05.005.
- Rewizorski M. (2017). Inequality: Dormant threat to stability in the BRICS // *Athenaeum: Polish Political Science Studies*. Vol. 56. Pp. 136–154. DOI: 10.15804/athena.2017.56.08.
- Ritov O., Völter C.J., Raihani N.J., Engelmann J.M. (2024). No evidence for inequity aversion in non-human animals: a meta-analysis of accept/reject paradigms // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 291. No. 2035. Art. 20241452. DOI: 10.1098/rspb.2024.1452.
- Roemer J. (1998). *Equality of Opportunity*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Salazar-Ciudad I. (2010). A two-level mutation-selection model of cultural evolution and diversity // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 267. Is. 2. Pp. 171–185. DOI: 10.1016/j.jtbi.2010.08.021.
- Santos F.C., Pinheiro F.L., Lenaertsc T., Pacheco J.M. (2012). The role of diversity in the evolution of cooperation // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 299. Pp. 88–96.
- Sen A. (1980). Equality of what? // *The Tanner Lectures on Human Values* / S. McMurrin (Ed.). — Salt Lake City: University of Utah Press. Pp. 195–220.
- Shaw A., Choshen-Hillel S. (2017). It's not fair: Folk intuitions about disadvantageous and advantageous inequity aversion // *Judgment and Decision Making*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 208–223. DOI: 10.1017/S1930297500005830.
- Stiglitz J.E. (2015). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future // *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility*. / P.S. Dasgupta, V. Ramanathan, M.S. Sorondo (Eds.). — Vatican City: Pontifical Academy of Sciences. Pp. 379–399.
- Tian C.Y., Mao J.Y., Guo Y.Y., Douglas K.M. (2026). How economic inequality fuels collective nostalgia: the mediating role of conspiracy beliefs // *Journal of Pacific Rim Psychology*. Vol. 20. Art. 18344909261419530.
- Trump K.-S. (2020). When and why is economic inequality seen as fair // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. Pp. 46–51.
- Wike R., Fagan M., Huang C., Clancy L., Lippert J. (2025). *Economic Inequality Seen as Major Challenge Around the World*. — Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Zahn R., Moll J., Paiva M., Garrido G., Krueger F., Huey E. D., Grafman J. (2009). The Neural Basis of Human Social Values: Evidence from Functional MRI // *Cerebral Cortex*. Vol. 19. No. 2. Pp. 276–283.

REFERENCES

- Adams J.S. (1965). Inequity in social exchange // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2 / L. Berkowitz. (Ed.). — New York: Academic Press. Pp. 267–299.
- Agadullina E.R., Ivanov A.A., Sarieva I.R., Prusova I.S. (2021). System justification theory: a new perspective on the problem of inequality // *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 10. No. 1. Pp. 132–141. DOI: 10.17759/jmfp.2021100113. (In Russ.).
- Arocena R., Sutz J. (2010). Weak knowledge demand in the South: learning divides and innovation policies // *Science and Public Policy*. Vol. 37. Is. 8. Pp. 571–582.

- Arthur W.B. (2021). Foundations of complexity economics // *Nature Reviews Physics*. Vol. 3. Is. 2. Pp. 136–145. DOI: 10.1038/s42254-020-00273-3.
- Baselgia E., Foellmi R. (2022). Inequality and growth: a review on a great open debate in economics // *United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER)*. Helsinki. WIDER Working Paper No. 2022/5. DOI: 10.35188/UNU-WIDER/2022/136-5.
- Berry S. (1989). Social Institutions and Access to Resources // *Africa: Journal of the International African Institute*. Vol. 59. No. 1. Pp. 41–55.
- Brosnan S.F., de Waal F. B. M. (2014). Evolution of responses to (un)fairness // *Science*. Vol. 346, No. 6207. Art. 1251776. DOI: 10.1126/science.1251776
- Brown N.D., Jacoby-Senghor D.S., Raymundo I. (2022). If you rise, I fall: Equality is prevented by the misperception that it harms advantaged groups // *Science Advances*. Vol. 8. Is. 18. Art. eabm2385. DOI: 10.1126/sciadv.abm2385.
- Cebula M., Perchla-Włosik A. (2023). Inequality in Access to Social Capital // *Polish Sociological Review*. No. 224. Pp. 419–440.
- Chater N., Connolly D.J., Loewenstein G. (2026). The political psychology of economic inequality // *Psychological Science in the Public Interest*. (In Press).
- Cheng J.T., Tracy J.L., Henrich J. (2010). Pride, personality, and the evolutionary foundations of human social status // *Evolution and Human Behavior*. Vol. 31. Pp. 334–347.
- Debove S., Baumard N., André J.-B. (2017). On the evolutionary origins of equity // *PLoS ONE*. Vol. 12. Is. 3. Art. e0173636. DOI: 10.1371/journal.pone.0173636.
- Dobzhansky T. (1959). Variation and Evolution // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 103. No. 2. Pp. 252–263.
- Du K., O'Connor A. (2021). Examining economic complexity as a holistic innovation system effect // *Small Business Economics*. Vol. 56. No. 1. Pp. 237–257.
- Elmqvist T., Folke C., Nyström M., Peterson G., Bengtsson J., Walker B. and Norberg J. (2003). Response Diversity, Ecosystem Change, and Resilience // *Frontiers in Ecology and the Environment*. Vol. 1. No. 9. Pp. 488–494.
- Engler S., Weisstanner D. (2021). The threat of social decline: income inequality and radical right support // *Journal of European Public Policy*. Vol. 28. Is. 2. Pp. 153–173. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733636.
- Ferreira I.A., Gisselquist R.M., Tarp F. (2022). On the Impact of Inequality on Growth, Human Development, and Governance // *International Studies Review*. Vol. 24. Is. 1. Art. viab058. DOI: 10.1093/isr/viab058.
- Festinger L. (1954). A Theory of Social Comparison Processes // *Human Relations*. Vol. 7. No. 2. Pp. 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
- Filipava L. (2026). Nexus of Global Challenges and Economic Disparities: Addressing Inequality in the Context of Sustainable Development Goals // *Global Nexus Handbook* / S. Eslamian, F.Eslamian (Eds.) — Hoboken, NJ: Wiley. Pp. 3–18. DOI: 10.1002/97811394248087.ch1.
- Flaherty T.M. and Rogowski R. (2021). Rising Inequality As a Threat to the Liberal International Order // *International Organization*. Vol. 75. No. 2. Pp. 495–523.
- Fleurbaey M. (2008). *Fairness, Responsibility, and Welfare*. — Oxford: Oxford University Press.
- Gilbert P., Price J., Allan S. (1995). Social comparison, social attractiveness and evolution: How might they be related? // *New Ideas in Psychology*. Vol. 13. Is. 2 Pp. 149–165. DOI: 10.1016/0732-118X(95)00002-X.
- Homans G.C. (1958). Social Behavior as Exchange // *American Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 6. Pp. 597–606.
- Jiao C., Gao S., Li D. (2023). The Impact of Education Quality and Cognitive Ability on Economic Growth Under the Context of China // *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 2564–2580. DOI: 10.6007/IJARPED/v12-i3/19426.
- Jost J.T., Banaji M.R. (1994). The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–27.
- Kazantsev S.V. (2016). The Danger of Social-Economic Inequality // *The world of new economy*. Is. 4. Pp. 51–61 (In Russ.).
- Kourany J. (2016). Should some knowledge be forbidden? The case of cognitive differences research // *Philosophy of Science*. Vol. 83. No. 5. Pp.779–790.
- Levy D.J., Glimcher P.W. (2012). The root of all value: a neural common currency for choice // *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 22. Pp. 1027–1038. DOI: 10.1016/j.conb.2012.06.001.
- Lichbach M.I. (1989). An Evaluation of ‘Does Economic Inequality Breed Political Conflict?’ Studies // *World Politics*. Vol. 41. No. 4. Pp. 431–70.
- Lipieta A., Pliś E. (2022). Diversity and mechanisms of economic evolution // *Journal of Evolutionary Economics*. Vol. 32. Pp. 1265–1286.
- Loreau M., Naeem S., Inchausti P., Bengtsson J., Grime J. P., Hector A., Hooper D.U., Huston M A., Raffaelli D., Schmid B., Tilman D. and Wardle D. A. (2001). Biodiversity and Ecosystem Functioning: Current Knowledge and Future Challenges // *Science*. Vol. 294. No. 5543. Pp. 804–808.
- Lumsden C.J., Wilson E.O. (1985). The relation between biological and cultural evolution // *Journal of Social and Biological Structures*. Vol. 8. Is. 4. Pp. 343–359.
- Lynn R., Vanhanen T. (2002). *IQ and the Wealth of Nations Human Evolution, Behavior, and Intelligence*. — Westport: Greenwood.

- Meisenberg G. (2012). National IQ and economic outcomes // *Personality and Individual Differences*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 103–107.
- Meisenberg G. (2019). Should Cognitive Differences Research Be Forbidden? // *Psych*. Vol. 1. No. 1. Pp. 306–319. DOI: 10.3390/psych1010021.
- Mesoudi A., Whiten A. (2008). The multiple roles of cultural transmission experiments in understanding human cultural evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 363. No. 1509. Pp. 3489–3501. DOI: 10.1098/rstb.2008.0129.
- Moll J., De Oliveira-Souza R., Zahn R. (2008). The neural basis of moral cognition: sentiments, concepts, and values // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1124. No. 1. Pp. 161–180.
- Moreale J., Levendis J. (2014). IQ and Economic Development: A Critique of Lynn and Vanhanen // *Forum for Social Economics*. Vol. 43. Is. 1. Pp. 40–56.
- Norton M.I. (2014). Unequality: Who gets what and why it matters // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1. No. 1. Pp. 151–155. DOI: 10.1177/2372732214550167.
- Oberliessen L., Kalenscher T. (2019). Social and Non-social Mechanisms of Inequity Aversion in Non-human Animals // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 13. Art. 133. DOI: 10.3389/fnbeh.2019.00133.
- Otero G., Völker B., Rözer J., Mollenhorst G. (2024). Differences in access to social capital across societies // *European Sociological Review*. Vol. 40. Is. 3. Pp. 493–510. DOI: 10.1093/esr/jcad035.
- Petkanopoulou K., Griva A.-M., García-Sánchez E., Vlastou-Dimopoulou F., Daoultzis K.-C., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. (2025). Why do people object to economic inequality? The role of distributive justice and social harmony concerns as predictors of support for redistribution and collective action // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 64. Is. 2. Art. e12877.
- Prusova I.S., Gorokhova A.S. (2025). Support of Equal and Unequal Income Distribution: the Role of Perceived Threats // *Social Psychology and Society*. Vol. 16. No. 1. Pp. 70–88. DOI: 10.17759/sps.2025160104. (In Russ.).
- Ram R. (2007). IQ and economic growth: Further augmentation of Mankiw-Romer-Weil model // *Economics Letters*. Vol. 94. No.1. Pp. 7–11. DOI: 10.1016/j.econlet.2006.05.005.
- Rendak A.V. (2018). The Specificity of Internal Threats of Economic Safety of Russia // *Gumanitarniy Yuga Rossii*. Vol. 7. No. 1. Pp. 136–149. (In Russ.).
- Rewizorski M. (2017). Inequality: Dormant threat to stability in the BRICS // *Athenaeum: Polish Political Science Studies*. Vol. 56. Pp. 136–154. DOI: 10.15804/athena.2017.56.08.
- Ritov O., Völter C.J., Raihani N.J., Engelmann J.M. (2024). No evidence for inequity aversion in non-human animals: a meta-analysis of accept/reject paradigms // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 291. No. 2035. Art. 20241452. DOI: 10.1098/rspb.2024.1452.
- Roemer J. (1998). *Equality of Opportunity*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Salazar-Ciudad I. (2010). A two level mutation-selection model of cultural evolution and diversity // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 267. Is. 2. Pp. 171–185. DOI: 10.1016/j.jtbi.2010.08.021.
- Santos F.C., Pinheiro F.L., Lenaertsc T., Pacheco J.M. (2012). The role of diversity in the evolution of cooperation // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 299. Pp. 88–96.
- Sen A. (1980). Equality of what? // *The Tanner Lectures on Human Values* / S.McMurrin. (Ed.). — Salt Lake City: University of Utah Press. Pp. 195–220.
- Shaw A., Choshen-Hillel S. (2017). It's not fair: Folk intuitions about disadvantageous and advantageous inequity aversion // *Judgment and Decision Making*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 208–223. DOI: 10.1017/S1930297500005830.
- Stiglitz J.E. (2015). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future // *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility* / P.S. Dasgupta, V. Ramanathan, M.S. Sorondo (Eds.) — Vatican City: Pontifical Academy of Sciences. Pp. 379–399.
- Tambovtsev V L. (2025). Political ideas and scientific analysis // *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 7. No. 3. Pp. 203–215. DOI 10.19181/smt.2025.7.3.15 (In Russ.).
- Telin K.O. (2019). Divergence in mind: Why inequality devil is as black as he is painted // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-107-123 (In Russ.).
- Tian C.Y., Mao J.Y., Guo Y.Y., Douglas K.M. (2026). How economic inequality fuels collective nostalgia: the mediating role of conspiracy beliefs // *Journal of Pacific Rim Psychology*. Vol. 20. Art. 18344909261419530.
- Trump K.-S. (2020). When and why is economic inequality seen as fair // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. Pp. 46–51.
- Varshavsky A.E. (2019). Excessive Income Inequality — Problems and Threats for Russia // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No 8. P. 52–61. (In Russ.).
- Wike R., Fagan M., Huang C., Clancy L., Lippert J. (2025). *Economic Inequality Seen as Major Challenge Around the World*. — Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Yurevitch A.V., Zhuravlyov A.L., Yurevitch M.A. (2013). Excessive inequality of incomes as jeopardy to national security of Russia [e-resource] // *Natsionalnaya bezopasnost'*. No. 2. Pp. 182–202. (In Russ.).
- Zahn R., Moll J., Paiva M., Garrido G., Krueger F., Huey E. D., Grafman J. (2009) The Neural Basis of Human Social Values: Evidence from Functional MRI // *Cerebral Cortex*. Vol. 19. No. 2. Pp. 276–283.

Тамбовцев Виталий Леонидович

ORCID: 0000-0002-0667-3391

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-0667-3391

tambovtsev@econ.msu.ru

OVERCOMING ECONOMIC INEQUALITY: HAVE ALL THE QUESTIONS BEEN ASKED?

Abstract. The growth of economic inequality has recently been occurring in many countries, which has attracted the interest of many researchers, but some aspects of this process remain insufficiently studied. This article examines the reasons why economic inequality is considered a problem, even though no convincing evidence of negative economic or social consequences has been found. It is concluded that the problem of economic inequality is largely artificial, based on connections that existed in the past, but are practically absent at present. The research questions that have not yet been sufficiently studied are substantiated, which makes it difficult to increase the effectiveness of the social and economic policy measures applied.

Keywords: *economic inequality, abilities, opportunities, system justification theory.*

JEL: D31, D63, Z13.